

Весь тренировочный центр погрузился в абсолютную тишину. Все смотрели на того, кто лежал на ринг-подиуме. Вид у него был просто плачевный: одежда и штаны — словно после того, как по ним прошла стая волков, на теле виднелись полосы от кровавых ран, а на руке красовался след от укуса, из которого непрерывно сочилась кровь. Этот парень определенно родился в год собаки! Довершали картину осколки стекла на затылке. Зрелище было настолько жалостливым, что у видевших сердце кровью обливалось, а у слышавших наворачивались слезы.

Ли Цзя вбежал на ринг, размазал по лицу кровь и, посчитав, что теперь выглядит вполне убедительно, уже собирался было уходить, но, подумав, вернулся к Джешке, размазал немного крови и по нему. Ухватив Джешку за воротник, шатаясь из стороны в сторону и поддерживая друг друга, они двинулись к выходу.

Сообразительный Джешка не знал, какова цель Ли Цзя, но охотно подыграл, изображая умирающего редчайшего зверя...

Среди курсантов на плацу поднялся шум. Да этот инструктор перегибает палку! Разве можно так избивать людей?

Даже остальные инструкторы про себя недоумевали: что это со старым Дином? Какая такая страшная обида заставила его так отметелить парней?

Мора быстрыми шагами направилась к ним: — Джешка, что здесь произошло?

Джешка, отличавшийся тонкой душевной организацией, слегка покраснел под вопросом красавицы, к счастью, запёкшаяся кровь скрыла истинный цвет его кожи. Не желая лгать, он закатил глаза и рухнул на землю без чувств. Мора протянула руку и приподняла веко Джешки: зрачки были закачены наверх и не реагировали на свет. С первого взгляда стало ясно, что он вырубился наглухо.

Мастер, про себя восхитился Ли Цзя. Такому искусству притворяться бесчувственным ему самому еще поучиться. Заметив, что Мора перевела взгляд на него, Ли Цзя, заранее всё подготовившее, запенился у рта, забился в конвульсиях и рухнул на пол, тяжело и прерывисто хрипя.

Мора аж взбесилась от злости. На лице ни царапины, а корчит из себя смертельно больного, да еще и кровавые следы от ладоней повсюду. Второй вон как правдоподобно притворяется, жаль только, дыхание ровное и глубокое — ну совсем не похоже на человека в обмороке.

— Оба вонючих мальчишки, ждите у меня! — бросила она, набирая по ком-связи медицинскую бригаду.

Стоило разобраться с этим участком, как на соседней площадке для физической подготовки начался настоящий ад: оттуда как раз выносили инструктора Дина...

Лежа на белой больничной койке, Ли Цзя лениво перебрасывался фразочками с Джешкой. Прошла уже половина месяца, и всё это время можно было описать всего одним словом: «кайф». Условия в госпитале военной академии были просто великолепными, а молодые практикантки-медсестры сновали туда-сюда — глаз не оторвать. Ли Цзя на пальцах подсчитывал дни до окончания военных сборов: осталась всего неделя, надо было вытянуть ее любыми судьбами. За это время навестить дворовых страдальцев приходило немало народу, но эти двое не обращали внимания на слова врачей: стоило им завидеть посетителя, как один тут же замертво падал в обморок, а второй начинал биться в эпилептическом припадке, лишаясь возможности говорить.

Наблюдая за ними по видеосвязи, Мора лишь посмеивалась. Впервые за столько лет студенты умудрились так ловко надуть инструктора. Сам инструктор Дин заступил на службу на следующий день после инцидента, а вот эти два хитрых проныры наотрез отказывались выписываться из больницы — ума им было не занимать.

Так называемый элитный класс на самом деле не являлся постоянной учебной группой: в него собрали лучших студентов академии для усиленных комплексных тренировок. После завершения этого временного курса все должны были вернуться в свои родные потоки. Это было форменное состязание гордых и самолюбивых умов: между взводами кипела борьба в беге по пересеченной местности, стрельбе и курсах выживания, да и внутри самих коллективов страсти накалялись до предела.

Прежние изнурительные тренировки постепенно сменились разнообразными практическими задачами. Молодежь быстро адаптировалась, и по мере того, как во время полевых ночевок росло количество совместных развлечений и общения, узы между товарищами становились все крепче. Инструкторы с изощренной фантазией придумывали задания, выполнить которые можно было только совместными усилиями. В сплассе пота и дружбы у студентов не возникало отчуждения из-за проживания в одноместных комнатах — в этом и заключалась уникальность Синьясской военной академии, где от учащихся постоянно требовали сплоченности.

После прибытия Сингиса традиционные методы обучения, принятые в других школах, отменили. Их сменила новая система группового обучения и практической стажировки, объединившая два главных направления — командный факультет и факультет мехов. Сформировались смешанные звенья ремонтников и пилотов в примерном соотношении один к трем по прошлогоднему набору. Четыре человека образовывали боевую ячейку, на которую выделялось три меха.

Разумеется, академия не выдавала готовые машины целиком. Мехи поставлялись в виде разобранных деталей, и кур либо собирали их самостоятельно, потратив время на обучение, либо нанимали специализированную ремонтную компанию за кругленькую сумму, продолжая выкладывать деньги при любой поломке.

Подобная учебно-практическая система не только заставляла студентов повышать эффективность обучения, но и укрепляла командный дух. При возникновении проблем с силовой установкой меха ремонтники звена были обязаны принять решение и устранить неполадку. Именно так в полевых условиях закалялся настоящий навык.

Детали мехов не отличались высоким качеством, и для улучшения характеристик машин членам групп приходилось активно мозговать над модернизацией.

По сравнению с методом давления, этот подход через внутреннюю мотивацию за последние годы принес отличные результаты.

Джешка лежал на больничной койке и с завистью смотрел в коридор, где мимо окон с веселым смехом проходили новобранцы. На днях кто-то придумал отвратительный розыгрыш: их обоих объявили лежащими больными, которым строго-настрого запрещено двигаться. Медсестры пристегнули этих двух господ ремнями к кроватям, а рты накрепко замотали медицинским бинтом — и так круглые сутки, двадцать четыре часа в сутки. Кормили их исключительно через капельницы с питательным раствором, так что при таком уходе даже справление естественных надобностей отпало само собой.

А поскольку число желающих навестить больных только росло, товарищи по группе, глядя на их жалкий вид, регулярно считали своим долгом произнести пару утешительных речей.

Первый день Ли Цзя и Джешка считали вполне нормальным, на второй — терпимым, но на третий выдержать уже не смогли. Говорить нельзя, шевелиться нельзя, от долгого лежания голова пухла. Их мольбы и стоны приводили лишь к тому, что медсестры одаривали их сочувственными улыбками, но никто не подходил на помощь. Больше всего злил Ницше — словно умер, не подавал никаких признаков жизни.

На седьмые дни, когда военные сборы уже закончились, а их до сих пор никто не думал развязывать, оба окончательно сорвались.

— Мм-м! Мм-м! — Ли Цзя начал яростно извиваться всем телом, движениями напоминая червяка на сковородке. Джешка тут же последовал его примеру.

Хруп!

Электронная дверь отворилась, и инициатор розыгрыша, Мора, с улыбкой вошла в палату, ловко сдергивая с их ртов липкие ленты. Глядя на торжествующую усмешку этой красавицы, Ли Цзя сразу всё понял.

— Героиня! Спасите меня, героиня, нас похитили! — вопль, достойный резни свиньи, заставил Мору одновременно смеяться и плакать.

Джешка, несмотря на всю толщину своей кожи, стыдился издавать столь позорные вопли.

Поэтому он смиренно признал вину: — Мы больше не будем, товарищ преподаватель, простите нас на этот раз!

Из различных досье Мора знала, что этот Джешка страдает истерическим синдромом, вернее говоря, синдромом сьерцев. Он обожал сражаться с яростью дикого зверя, и данные показывали, что в бою его сознание погружалось в сумеречное состояние. И хотя в обычной жизни он выглядел совершенно безобидным, стоило начаться драке, как он превращался в безбашенного берсерка с высочайшим боевым инстинктом.

А вот этот парень рядом...

Стоило ей взглянуть на лицемерно умоляющую физиономию этого мальчишки, как ей тут же захотелось отвесить ему пару пинков.

— Джешка, если еще хоть раз такое повторится — исключу из академии. За уклонение от военных сборов записать выговор в личное дело! — суровый тон Мора заставил Джешку почувствовать себя неудобно, и он поспешно закивал.

Она нажала на кнопку на панели, и фиксирующие ремни на кроватях автоматически разомкнулись.

— На выход, в строй! — стоило Джешке с поникшим видом выскользнуть за дверь, как сердце Ли Цзя затрепетало от страха.

Заметив, что Мора направляется к нему, Ли Цзя моментально включил свой фирменный режим бесстыдства: — Сестрица Мора, я во всем виноват, это всё я! Насчет того, что послушал Джешку — чистая правда, но виноват я один. Вы можете меня простить? — дойдя до самой трогательной ноты, он попытался выдавить из себя слезу.

Мора смотрела на Ли Цзя, но в ее глазах отражались совсем другие, прошлые ученики. Тяжело вздохнув, она мягко произнесла: — Каждый год выпускники факультета мехов, особенно такие как ты, у которых за душой ни гроша и ни единой влиятельной связи, отправляются служить в самые отдаленные уголки обитаемого мира. На передовую против террористов или к границам территорий Лунного альянса — короче говоря, туда, где смертельно опасно.

— В академии таких выпускников пруд пруди. Какими бы бунтарями они ни были, пока они здесь — они студенты, и преподаватели готовы закрывать на это глаза. Но когда они окажутся на поле боя, скажи мне, много ли найдется желающих прощать их там?

Ли Цзя опешил: — Разве сейчас идет война?

Уже несколько десятилетий царил мир, и о боевых действиях он ничего не слышал.

— Гарнизон Лунного альянса на Земле и соседние человеческие армейские соединения то и дело сталкиваются на почве взаимных трений. Если в новостях передают о каком-то небольшом локальном боестолкновении, знай — это полноценная крупная заварушка, после

которой стороны просто садятся за стол переговоров и мирятся. До тех пор, пока космические флоты не открывают огонь прямой наводкой, всё это считается детскими шалостями.

Заметив неподдельный ужас на лице Ли Цзя, она даже засомневалась, не переборщила ли с запугиванием этого паренька.

Освобожденный от пут Ли Цзя поднялся на ноги и молчал. Выражение его красивого лица четко отражало внутреннюю борьбу.

Словно приняв непростое решение, он выдавил: — После выпуска я... не пойду в армию.

С этими словами он единым махом выскочил из палаты, решив держаться от этой женщины как можно дальше.

Этот глупый мальчишка еще не знал, что ему придется надеть военную форму задолго до окончания учебы.

В Тихом океане на небольшом острове под названием «Берд» буйная растительность сохранила первозданный облик. В этом климатическом поясе до сих пор обитали и размножались свирепые животные, давно считавшиеся вымершими в других местах.

— Виктор, как ты думаешь, что стало с теми детьми? Кто из них дойдет до конца? — почти пятидесятилетний Силер с каменным лицом всматривался в голографический экран, где дети разных возрастов истребляли друг друга на этой искусственной земле. В молодости Силер приложил руку к разработке химического, вирусного и высокоэнергетического термодеструктивного оружия. Он создавал всё, что убивало эффективнее всего, лишь бы удовлетворить нужды войны, и в узких кругах за глаза его называли не иначе как хладнокровным генералом.

Виктор был давним помощником генерала. Долгое сотрудничество позволило ему досконально изучить нрав своего начальника. Лаконично ответив: — 7521, 7577 и 7356. Если эти трое не столкнутся раньше времени, у них есть шансы пройти отбор. Остальные... трудно сказать.

— Доложи обстановку по шестому отряду.

К скачкам мысли Силера помощники давно привыкли.

Раздался голос дежурного по шестому сектору: — Десять курсантов демонстрируют отличные показатели в учебе, психологическое состояние стабильное. В повседневной жизни вредных привычек и девиаций не замечено, полностью способны к интеграции в социальные структуры. Доклад окончен.

Все показатели в норме, но Силер лишь презрительно фыркнул. Учебные заведения? Трусость,

символ бесполезности. Лучшие бойцы куются только в горниле смерти — таково было его неизменное кредо. Если бы не давний соперник Карл, подавший наверх отчет с критикой его теории воспитания человечности как слабой и никчемной догмы, на базе сейчас проходили бы традиционную военную подготовку еще десяток перспективных бойчан. При мысли об этом Силер бросил косой взгляд на пухлого Карла, который уже несколько минут сидел на диване в паре метров от него, кляня носом.

— Дерьмовый бюрократ, — мысленно выругался он.

— В седьмом отряде оставить только пятерых, — отрезал он железным голосом.

От этих слов у Виктора дернулось веко. Эх, еще пять жизней долой...

По инструкции, из трехсот детей, отобранных для первой партии, в живых должно было остаться лишь десять. Разумеется, главный руководитель имел право сократить квоту, если качество этого «товара» его не устраивало. В прошлом году прибывший самолетом шестой отряд сохранил в полном составе именно десять человек.

Кто-то говорит, что сейчас мир демократии и свободы? Подобное справедливо для гражданских лиц, но в армии всё устроено иначе.

Единственным исключением оставались такие секретные объекты: стоило коснуться высоких технологий, как о демократии и свободе можно было забыть навсегда. Сам Виктор уже давно испытывал отвращение к своей работе, где человеческие жизни решались одним росчерком пера. Каждый год сюда прибывало триста человек, а выходило едва ли десять, тогда как тела тех, кто оставался, служили кормом для уцелевших на острове хищников. Из года в год доверчивые улыбающиеся лица детей сменялись оскалами смерти, когда они убивали товарищей ради того, чтобы военные отобрали нескольких выживших.

Весь в крови мальчишка с заточенным давным-давно осколком человеческой кости затаился в траве по пояс, не сводя глаз с шагавшего впереди паренька. Тот был его лучшим другом по тренировочному лагерю, но теперь мальчик даже не смел окликнуть его по имени. Он слишком устал. Теряя слишком много крови, он больше не хотел рисковать и чувствовал смертельную усталость — порой просто замереть на месте казалось лучшим способом укрыться от демона. Из какой сказки была эта история? Мальчик смутно припоминал, но при всем желании не мог вспомнить деталей.

Он устал, забыл обо всем. Убивали не только люди, но и звери.

Стоило его мышцам хоть немного расслабиться, как массивный хищник обрушился на него сверху. Послышался треск рвущейся плоти на израненном теле, а инстинктивный крик в высокой траве тут же привлек внимание того самого друга...

Последнее, что увидел мальчик перед тем, как звериные клыки сомкнулись на его горле, —

легкую улыбку товарища. Наступила тьма.

Виктор искренне хотел подать в отход и бросить эту работу, но у него не хватало мужества, а еще больше он боялся бесследно испариться среди бела дня. Черт побери, да он же ввязался в пиратское судно!

— Восьмой сектор, подготовьте данные по следующей партии «товара». Доставите мне в кабинет, — бросил Силер и направился к выходу.

Виктор окинул взглядом забитый технарями зал и ряды операторов за мониторами: в их глазах не было ни капли жалости. Только сухая статистика, анализ и оценки...

Если бы подобное подземное учреждение всплыло наружу, это стало бы величайшим скандалом федеральной армии. Но разве мог кто-то отыскать точку, которой не было ни на одной карте? И пусть методы казались негуманными, они работали безотказно: офицеры, «выпускавшиеся» отсюда, на какое-то время превратились в настоящий кошмар для Лунного альянса. Несколько лет назад знаменитые генно-модифицированные бойцы альянса во время совместных учений были разбиты этими «выпускниками» в пух и прах, не сумев оказать ни малейшего сопротивления.

<http://bllate.org/book/22025/2289739>